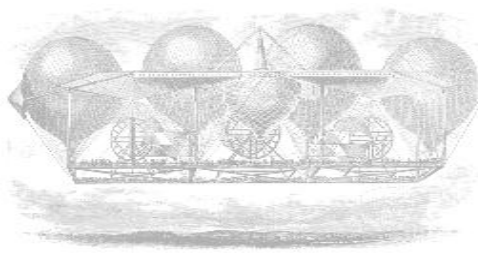


Рамки настоящего материала, к сожалению, не позволяют затронуть вопрос о разведении двух понятий — интернационализация вуза и международный вуз. Хотелось бы только сказать, что такая реальность, как «международный вуз», широко распространенная в российской действительности, только начинает обсуждаться и осмысляться нашими зарубежными коллегами. Тем, кто интересуется этой темой, можно порекомендовать последний выпуск журнала Европейской Ассоциации по Международному Образованию: «The Multinational University».

Литература

1. Trends in Learning Structures in Higher Education (II). Follow-up Report prepared for the Salamanca and Prague Conferences of March/May 2001, April 2001. P. 5.
2. Internationalisation at Home. A Position Paper. 2000. EAIE. P. 13.
3. EAIE Occasional Paper 10. 1996. EAIE. P.15 (Internationalisation and quality assurance: goals, strategies and instruments).
4. EAIE Occasional Paper 14. 2002. EAIE and AIFA, P. 3 (The Chief International Education Administrator (CIEA) as an agent for organisational change).
5. EAIE Occasional Paper 15. 2003. EAIE (The Multinational University).



Т. В. Козлова

НЕКОТОРЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

•

Т. В. Козлова

Some contradictions of the process of internationalization of the Eurasian universities

The author examines internationalization as one of the strategic issues of university management and gives the analysis of some contradictions of the process of internationalization of Eurasian universities.

И нтернационализация образования представляет собой процесс расширения сферы деятельности университетов за пределы своей национальной образовательной системы, развитие международных образовательных и научных связей, приведение деятельности вуза в соответствие международным нормам, что способствует формированию благоприятных условий для обеспечения высокого качества образования, для развития университетской науки.

Хотя в евразийских университетах работают специалисты, получившие базовое образование в вузах и ведущих научных центрах Российской Федерации, Украины, Белоруссии, процесс интернационализации европейских университетов проходит непросто. В частности,

региональные аспекты участия в Болонском процессе в этих университетах приобретают особую остроту, поскольку евразийские университеты призваны сохранить и укрепить свои позиции.

В некоторых евразийских университетах содержание процесса интернационализации подчас сводится к функционированию университета в условиях «поликультурной среды региона», что подразумевает «полиэтнический состав» преподавателей, сотрудников и студентов вузов. При этом подчеркивается, что «в условиях полиэтнической среды происходит осмысление своей национальной принадлежности, различий между своей и другими этническими общностями», что «специфика ценност-

но-мотивационной сферы личности работника университета формируется в зависимости от его принадлежности к определенной этнической общности», а национальная психология обуславливает «своеобразие мышления, специфическое сочетание познавательных и интеллектуальных качеств, отличных от представителей других национальностей».

Стратегия управления университетом, якобы, предполагает обязательное фокусирование внимания на «традициях, которые диктуют во взаимоотношениях людей их культурное сообщество и национальная принадлежность». Именно она определяет «алгоритмы и способы принятия управленческих решений», мотивирует выбор студентами специальности и выстраивает их будущую стратегию карьеры etc, вследствие чего «особенности культуры организации» зависят «от этнического состава ее управленческой команды и от соотношения количества ее членов разной национальности».

Подобный подход вряд ли является эффективным в современных условиях. Ведь евразийские университеты готовят квалифицированные кадры не только для работы на своих национальных предприятиях, но и в международных компаниях, в транснациональных корпорациях.

По мнению экспертов Всемирного банка, в ряду основных направлений совершенствования высшей школы в восточноевропейских и центральноазиатских странах с переходной экономикой стоит профессионализация университетского менеджмента. Государственные инвестиции необходимы для создания потенциала академических инноваций и управления вузами, для создания новых учебных направлений, для расширения набора коротких, гибких и менее специализированных программ и курсов как ответ на вызовы окружающей среды и экономические потребности.

Несмотря на то, что процесс адаптации евразийских университетов к глобальным тенденциям в мировом образовательном сообществе проходит первую стадию, уже сейчас совершенно ясно, что международное сотрудничество, интернационализация науки и образования способствуют повышению их роли в обществе.

Для большинства крупных университетов главной стратегической задачей стало решение дилеммы — конкуренция или сотрудничество с мировыми университетскими центрами. В ус-

ловиях глобализации университеты уже не могут абстрагироваться от интернационализации как мировой тенденции развития, определяющей конкурентоспособность национальных университетов.

Хотя большинство стали активно стремиться к освоению внешних рынков образовательных услуг не от хорошей жизни, а в связи с недостаточным бюджетным финансированием, наиболее активные из них смогли приобрести на внешних рынках значительный опыт, способность выработать наиболее эффективную стратегию долгосрочного сотрудничества с мировыми лидерами университетского образования.

При всей неоднозначности и незавершенности процессов, связанных с интернационализацией образования и во многом противоречащих традициям, менталитету и психологическим установкам профессоров и преподавателей, данные тенденции соответствуют глобальным изменениям инновационного развития общества.

Но в то же время развитие «образования без границ» поднимает такие же «безграничные» вопросы, затрагивающие интересы высшей школы всех стран. К их числу относится языковое планирование в сфере образования как инструмент и условие доступа (или барьер) к информационному научному обмену и коммуникации знаний.

Об актуальности проблемы, в частности, свидетельствует и тот факт, что из 43 культурно-исторических событий, включенных в список памятных дат ЮНЕСКО на 2004–2005 гг., две посвящены именно языку, письменности: 1600-летие создания армянского алфавита и 100-летие возобновления выпуска литовских изданий с использованием латинского алфавита.

В конце года Министерство иностранных дел Российской Федерации представило доклад «Русский язык в мире», посвященный распространению русского языка на планете. Главный вывод состоит в том, что мир все больше и больше стремится изучать русский язык. В наибольшей мере это наблюдается в США, Японии, Канаде, Европе (прежде всего — в Германии). Возрастание интереса к изучению русского языка объясняется прежде всего развитием экономических связей с Россией. Для большинства компаний, собирающихся работать или уже работающих на российском рынке, русский

язык становится важной составляющей обучения персонала.

В государствах Африки, Азии и Ближнего Востока изучение русского языка считается престижным, поскольку дает возможность получить стипендию русского правительства, поехать на учебу в Россию и впоследствии занять высокие государственные посты во власти и бизнесе.

Интерес к изучению русского языка в странах СНГ тоже постоянно растет. Это связано, в первую очередь, с тем, что молодежь стремится получить высшее образование, а большая часть трудоспособного населения этих стран так или иначе работает в контакте с Россией или в России, поэтому для этих людей владение русским языком становится жизненной необходимостью.

В то же время по данным доклада во многих странах на постсоветском пространстве наблюдаются трудности с распространением и функционированием русского языка, несмотря на то, что ограничение использования русского языка часто становится даже экономически невыгодным и идет в ущерб экономическому развитию. Например, когда власти ограничивают вещание на русском языке, тут же сокращаются объемы русскоязычной рекламы, в результате чего СМИ несут убытки.

Европа

После подписания Россией Болонской декларации, когда заходит речь о направлении движения, ощущается неуверенность: что представляет собой евразийство, и знаем ли мы вообще свой путь к Европе, и если да, то к какой Европе? К той Европе, многообразие которой не понимают даже сами европейцы, или к той, образ которой домысливается? В различных слоях образовательного сообщества существует реальное многообразие конкурирующих друг с другом представлений о Европе и содержании Болонского процесса. Существенно учесть, что даже в самих европейских вузах, например, в Нидерландах — в стране, с 1999 г. стоящей у истоков этого процесса, есть неоднозначное и критическое отношение.

Представляется, что со стороны Европы содействие реформированию постсоветского образования и его институтов должно выражаться прежде всего в распространении адекватных *европейских* представлений о *Европе*,

чтобы тем самым конкретизировать дискуссию о стратегических ориентирах российской высшей школы.

Между тем на деле Европа и Запад в целом подчас довольствуются ролью эталона — образца университетского образования для собственного вторичного переиздания в евразийских университетах. При этом циничный взгляд транснациональных корпораций на российскую научную элиту для одних материализуется всего лишь в дешевую «утечку мозгов», а для других — в утрату стратегически важных кадров.

Чем же определяются сегодня образы российского, евразийского образования, независимо от того, формируются ли они в Европе или не в самой Европе? Уж, конечно, не числом гранитных фасадов престижных университетов, но и не убожеством университетов некоторых провинциальных городов.

Безусловно, абсолютно целостные образы и общая картина нереальны. Но возможно и необходимо интегрирующее понимание специфики, места и роли евразийских университетов в современном обществе. При реализации положений Болонского процесса со стороны европейских партнеров наблюдается запрограммированная поверхностная позиция, при которой недостаточно принимается во внимание специфика национальных образовательных традиций. Еще больше беспокоит своеобразная утрата потенциала познания и признания реальных достижений евразийской фундаментальной высшей школы. Вряд ли можно рассматривать такую «утрату» как неизбежность, сопутствующую европеизации, интернационализации. Поэтому после легитимного включения России в Болонский процесс появилась надежда, что Россия не «отфильтруется», по крайней мере, из европейского культурного и научного сознания, по причине экономических и прочих обстоятельств.

Любое явление общеевропейского масштаба непосредственным образом влияет на образовательные процессы в России. МГУ по своему происхождению, по сути, со дня основания до настоящего времени является европейским университетом, и личная судьба основателя МГУ М. В. Ломоносова является прекрасным примером эффективности академической мобильности.

Московский университет в течение многих

десятилетий активно сотрудничает с организацией ЮНЕСКО, которая включила предстоящий юбилей МГУ — 250-летие в список памятных дат на 2004–2005 гг. Университет с 1958 г. является членом Международной Ассоциации университетов (IUA), Европейской Ассоциации университетов (EUA), созданной в 2001 г. для содействия Болонскому процессу, а также — Ассоциации университетов европейских столиц (UNICA).

Исторически роль МГУ состоит в том, чтобы находиться в фарватере евразийского образовательного процесса. Московский университет является базовой организацией государств — участников СНГ по подготовке кадров в области фундаментальных естественных наук.

В Московском университете работает Исполком Евразийской Ассоциации университетов, в сотрудничестве с которой уже дважды проведены Международные конференции университетов стран СНГ, Балтии и других государств.

Общепризнанно, что стратегия развития высшей школы в странах с низким уровнем доходов, к числу которых можно отнести Российскую Федерацию и другие государства СНГ, предусматривает осуществление целевых инвестиций прежде всего в стратегические направления подготовки высокоразвитых кадров, в создание вузов приоритетной специализации. Это чрезвычайно важно для сбалансированного развития всей системы образования в целом и обеспечения результативного вклада классических университетов в национальную программу «Образование для всех».

Показатель общенационального финансирования научных исследований и разработок, например, в России (в 2001 г. оно составило 10,2 млрд. долл. или 1,01 % от ВВП) сопоставим с уровнем, достигнутым Канадой (13,4 млрд. долл. — 1,66 %) и Италией (13,8 млрд. долл. — 1,04 %).

В развитых государствах повышение уровня финансирования университетских научных исследований и разработок достигается в основном за счет предпринимателей. Наиболее экономически успешные российские компании — сырьевые. Они не являются наукоёмкими, хотя и реализуют крупные научно-технические проекты и программы модернизации кадров в своих подразделениях. Поэтому для уни-

верситетов актуально сотрудничество с крупнейшими мировыми, транснациональными корпорациями.

Достижения российской науки, в том числе и университетской, зафиксированы в многочисленных патентах. И хотя коэффициент патентной деятельности в России достаточно высок, например, в 2000 г. он составил 28,3 (для сравнения: в Корее — 10,9; в Германии — 6,0; в США — 5,0; в Финляндии — 4,9; в Швеции — 4,7), но коэффициент распространения патентов за рубежом в сравнении с национальными заявками значительно ниже (в развитых странах — 50, в России — 1,4). США патентуют за рубежом более 2 млн. заявок, а Россия — 21 тыс. Сопоставление этих параметров изобретательской активности свидетельствует о слабой интеграции университетов в мировой процесс патентования и низкой активности российских производителей на мировых рынках.

С 1996 г. Россия занимает восьмое место в мире по числу опубликованных научных работ (125,5 тыс. публикаций) и 11 место по числу цитированных работ (47,4 тыс. публикаций). Хотя общая исследовательская активность достаточно высока, по проценту цитируемости (37,7 % при среднемировом — 57,11 %) российская наука находится только на 142-м месте. Во многом, на мой взгляд, это объясняется именно языковыми трудностями: ведь немногие российские ученые публикуются на русском и английском языках, а зарубежные ученые не знают русского языка.

Тот факт, что Россия устойчиво занимает почетное место по числу Нобелевских лауреатов, свидетельствует о ее исторически важной миссии в мировом научном и образовательном сообществе и подтверждает наличие устойчивой традиции в развитии научных школ крупных российских университетов.

В то же время из-за низкой эффективности использования информационных технологий и средств коммуникации (небольшое количество мобильных телефонов и компьютеров, низкая активность использования Интернета), а также институциональных препятствий инновационной деятельности Россия уже отстает от Китая и Индии по индексу конкурентоспособного роста (Growth Competitiveness Index — GGI), хотя и опережает их по показателям ВВП. Тем не менее эффективность научно-исследовательской работы в России по сравнению со страна-

ми СНГ, как правило, выше. Россия до сих пор имеет значительное преимущество по сравнению с большинством стран мира по численности научно-исследовательских кадров, что, к сожалению, практически не оказывает влияния на перспективы экономического роста страны.

Воссоздавая единое информационное научное пространство, университеты призваны включить в этот процесс весь персонал.

Для активного участия студентов, аспирантов и преподавателей, для обеспечения повышения их квалификации необходимо эффективное использование иностранных языков, в том числе — русского как средства научного знания и обмена сегментами национального научно-информационного пространства, что вполне отвечает требованиям национальной политики государств в области науки и образования.

Но в том виде, в каком существуют сейчас большинство университетов, добиться этого достаточно сложно. Например, доступ к Интернет-сети в большинстве государственных вузов ограничен, а значительная часть бесплатных открытых материалов изложена на английском или других иностранных языках, пока что недоступных для подавляющего числа преподавателей как региональных, так и центральных вузов. Из-за недостатка высококвалифицированных научных и педагогических кадров, материально-технической и лабораторной базы некоторые университеты, например, были вынуждены вообще переориентироваться главным образом на гуманитарные, а не на естественно-научные дисциплины.

В евразийских университетах, в средних школах наблюдается опасная тенденция к ежегодному уменьшению количества часов на лек-

ционные и практические занятия по русскому языку.

Состояние изучения языков в университетах стран СНГ вызывает беспокойство, поскольку даже русисты евразийских университетов оказались изолированными от центров русистики. Многие преподаватели отмечают, что в этой сфере идут не объединительные, а разъединительные процессы.

Во время работы II Международной конференции университетов «Университеты и общество. Сотрудничество университетов в XXI веке» представителями университетов различных государств СНГ и Балтии высказывалось предложение создать Центр развития русского языка или некий Совет, включающий проблемные рабочие группы, координирующие работу по изучению преподавания и исследования современного русского языка.

Создание подобного координационного Центра (Совета), например, в Московском университете, стало бы одним из эффективных мер, обеспечивающих новое качество образования в XXI веке, развитие академической мобильности, совместных научных инновационных проектов, формирование единого образовательного пространства в СНГ, повышение конкурентоспособности евразийских университетов.

Литература

1. Университеты и общество. Сотрудничество университетов в XXI веке: Сб. тезисов Второй международной конференции университетов (МГУ им. М. В. Ломоносова, 27–28 нояб. 2003 г.). М., 2003. 522 с.
2. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. М., 2003
3. Бекетов Н. В. Наука в России и в мире // ЭКО. Новые технологии. 2003. № 11. С. 12–21.

